

Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века

В. Е. Крышталева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Университет Париж Нантерр
Нантерр, Франция*

Аннотация

Статья посвящена изучению милитарных метафор, актуальных для современного российского и французского политического (точнее, президентского) дискурса. В современной лингвистике выделяются два основных направления изучения метафоры: семантическое (метафора – языковое явление) и когнитивное, в котором она трактуется как определенный способ конструирования действительности. Методологической базой нашего исследования явилась теория метафорического моделирования, которая представляет собой синтез структурно-семантического и когнитивного подходов. В настоящей статье на материале текстов, являющихся примерами монологических жанров политического дискурса (инаугурационное обращение, поздравительная речь, приветственное слово и др.), был проведен сравнительный анализ военных метафор (архетипичных для политической коммуникации), представленных в выступлениях четырех президентов России и Франции начала XXI века – Д. А. Медведева, Н. Саркози, В. В. Путина и Ф. Олланда. При анализе учитывались структурные метафоры, соответствующие метафорической модели «Российская / французская действительность – непрекращающаяся война», и рассматривались экстралингвистические факторы, повлиявшие на создание политических текстов. Проведенное исследование показало, что частота реализации милитарных метафор не идентична не только в речи разных языковых личностей, но и в дискурсе разных обществ, и продемонстрировало индивидуальную и национальную специфику функционирования военных метафор в дискурсе политических лидеров, которая оказалась напрямую связанной с актуальной для той или иной страны повесткой дня. Так, выяснилось, что речь французских президентов более «воинственна» в метафорическом плане, чем речь двух российских глав государства, а наибольшую частотность милитарных метафор демонстрирует дискурс Ф. Олланда.

Ключевые слова

милитарные метафоры, политический дискурс, метафорическое моделирование, фрейм, слот

Благодарности

Автор выражает признательность кандидату филологических наук, доценту кафедры общего и русского языкознания ГИ НГУ Оксане Михайловне Исаченко за научные консультации и значимые рекомендации.

Для цитирования

Крышталева В. Е. Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 77–90. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-77-90

Military Metaphors in the Discourse of the Presidents of Russia and France in the Beginning of 21st Century

Vera E. Kryshtaleva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

*Université Paris Nanterre
Nanterre, France*

Abstract

The article focuses on the study of military metaphors which are relevant to the modern Russian and French political (specifically presidential) discourse. In modern linguistics there are two main approaches to studying metaphors: semantic (where metaphor is regarded as a linguistic phenomenon) and cognitive, where it is interpreted as a certain way of constructing the reality. The methodological basis of our research is the theory of metaphorical modeling, which is a synthesis of structural, semantic and cognitive approaches. This article represents a comparative analysis of military metaphors (which are archetypal for political communication) used in the speeches of four presidents of Russia and France of the early 21st century – D. A. Medvedev, N. Sarkozy, V. V. Putin and F. Hollande, and based on the corpora of texts that are examples of political discourse monologues (inaugural, congratulatory, welcoming speeches, etc.). In this study, military metaphors are nominations in which there are signs of military action in the form of opposition to an «enemy» and the use of weapons. The analysis took into account substantive and verbal structural metaphors realizing the conceptual model «Russian / French reality – the ongoing war»; the study also considered extralinguistic factors that influenced the creation of political texts. Text selection took into consideration the degree of importance and relevance of the domestic and foreign policy issues covered in them. The analysis showed that the frequency of military metaphors usage is not identical not only in the speech of different politicians, but also in the discourse of different societies, and demonstrated individual and national specificity of the military metaphors functioning in the political leaders discourse, which was directly related to the topical “agenda” for a country. Thus, it turned out that the French presidents resort to «militant» (in metaphorical terms) discourse more than the two Russian heads of state; the greatest frequency of military metaphors is demonstrated in F. Hollande’s speeches.

Keywords

military metaphors, political discourse, metaphorical modeling, frame, slot

Acknowledgements

I would like to thank candidate of Philology, associate professor of the General and Russian Linguistics Chair at Novosibirsk State University Oksana Isachenko for her consultations and meaningful recommendations.

For citation

Kryshtaleva, Vera E. Military Metaphors in the Discourse of the Presidents of Russia and France in the Beginning of 21st Century. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 77–90. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-2-77-90

Введение

По наблюдению многих ученых, работающих в области гуманитарных наук, в последние десятилетия наиболее перспективные научные направления чаще всего возникают на пересечении различных исследовательских дисциплин. Одним из них стала политическая лингвистика, объединившая лингвистику и политологию.

В настоящее время политическая лингвистика – успешное и активно развивающееся направление российской науки, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, в том числе в периодических изданиях (например, в сборнике «Политическая лингвистика»¹ публикуются работы специалистов из России, стран постсоветского пространства, а также США, Франции, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и др.).

¹ В этом сборнике впервые опубликованы переводы некоторых работ общепризнанных классиков политической лингвистики (прежде всего, американцев У. Липпманна, Г. Лассвелла, Н. Лейтеса и др.), не известных ранее российскому научному сообществу и недоступных по причине их идеологического запрета в СССР. К тому же при участии Уральского государственного педагогического университета была организована ежегодная Всероссийская научная школа для молодежи «Политическая коммуникация». Масштабная работа осуществляется и в Москве: начиная с 1997 г. каждый год проводится рабочее совещание (по существу, научная конференция) «Политический дискурс в России».

Основными направлениями современной политической лингвистики являются: а) политическая лингвоперсонология, которая в сопоставительном аспекте позволяет описать национальные особенности сравниваемых субъектов, дифференцировать в их речи «свое», «чужое» и «общечеловеческое»²; б) политическое красноречие³; в) коммуникативные исследования политического дискурса в терминах «стратегии и тактики»⁴.

Метафора как объект исследования в политической лингвистике

Отдельный сегмент формируют исследования политической метафоры (например, «Словарь русских политических метафор» А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1994], многочисленные работы зарубежных исследователей – например, Ж. Готье [Gauthier, 1994], А.-М. Жингра [Gingras, 1996], М. С. Доменеш [Domènech, 2010] и др.).

Метафора – «самый распространенный и значимый троп, состоящий в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений» [Матвеева, 2010. С. 206]. Она отражает результат сравнения, но «передает его особым образом: путем создания семантической двойственности слова или выражения» [Там же].

Метафоричность – важнейшая характеристика современного политического дискурса. Метафора, призванная украсить коммуникацию и придать предмету речи более понятный образ, в устах политиков становится средством воздействия на интеллект, чувства и волю аудитории. В политическом (и уже – президентском) дискурсе метафоры прежде всего создают экспрессивные эффекты.

Однако, как показали многочисленные исследования последних лет, выполненные в рамках когнитивной лингвистики и опирающиеся в первую очередь на ставшие классикой работы американских ученых Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1990], метафоры не только «облегчают» понимание некоторых концептов или «украшают» речь, но и являются определенным способом конструирования действительности. Метафора – «не просто языковой и / или речевой знак, “неясный троп”, ментальный механизм, поведенческий акт и т. п., а результат сложнейшей, иерархически (причем не линейно) организованной коммуникативной деятельности человека» [Лагута, 2003. С. 109].

Канадский ученый Ж. Готье подчеркивает, что в течение последних 20 лет метафора стала чем-то большим, чем риторическая фигура, превратившись в ту «точку», отталкиваясь от которой многие лингвисты, семиотики, социологи, этнологи, философы развивают свой предмет исследования [Gauthier, 1994. P. 132].

В лингвистическом изучении метафоры выделяется два основных направления: *семантическое* (метафора – языковое явление) и *когнитивное* (метафора – ментальный феномен). Синтез двух подходов представлен в теории метафорического моделирования А. П. Чудинова [2001], которая и послужила методологической базой нашего исследования и которую мы применили к анализу метафор, функционирующих в «президентском дискурсе» глав России и Франции.

Согласно представлениям современной когнитивной семантики, *метафорическое моделирование* – это «отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-либо фрагмента действительно-

² Примером может служить анализ речи В. Жириновского, проведенный Е. В. Ушаковой [2002]; исследование имиджевых характеристик политического лидера на примере В. В. Путина, осуществленное Т. А. Голиковой [2018], и др.

³ Например, статья С. И. Виноградова «Слово в парламентской речи и культуре общения» [1993]; работа М. В. Гавриловой «Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина)» [2004] и др.

⁴ Например, «Стратегия самодискредитации в политическом дискурсе» М. К. Левинской [2009], «Политическая коммуникация как особое информационно-психологическое воздействие» К. А. Воробьевой и Ю. Р. Тагильцевой [2009] и др.

сти при помощи сценариев, фреймов и слотов⁵, относящихся к совершенно иной понятийной области» [Там же. С. 48]. Из всех функций политической метафоры (номинативной, коммуникативной, прагматической, изобразительной, популяризаторской и др.) главной является когнитивная, т. е. функция обработки и переработки информации [Там же. С. 49–51].

А. П. Чудинов описывает, на наш взгляд, универсальную, применимую к любому политическому дискурсу (и отечественному, и зарубежному) типологию политических метафор через перечень субсфер – источников метафоризации. Так, четыре основные «донорские зоны»: «Человек», «Социум», «Природа» и «Артефакты» – формируют следующие разновидности метафор: физиологическая, морбиальная, криминальная, милитарная, театральная, зооморфная и др.

Милитарные метафоры в политическом дискурсе

Наиболее характерными политическими метафорами общественной жизни являются милитарные. Именно их описание мы представим в данной работе.

В целом политическая деятельность представляется ее субъектами как «поле боя», на котором «сражаются» «враги», и в результате этой «борьбы» одни одерживают «победу», а другие терпят досадное «поражение».

Согласно идее Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Лакофф, Джонсон, 1990. С. 389]. Сущность политики только в фигуральном смысле – борьба за власть, т. е. это не война. Политика и война – социальные явления разного порядка (общественно значимая деятельность и вооруженный конфликт), но важно, что *политика* осмысляется и осуществляется как *война*, поэтому о ней говорят в «терминах войны».

Военная метафора является архетипичной для человеческого сознания, она имеет своим истоком животный мир и отражает естественную потребность людей в выражении агрессии. По мнению литовского лингвиста Э. Лассана, «милитарные метафоры могут занимать ведущие позиции в политическом дискурсе определенного сообщества и могут эти позиции сдавать, никогда не уходя, в силу своей архетипичности, из когнитивных структур социума» [Лассан, 2010. С. 29].

Объект наблюдения нашей статьи – милитарные метафоры, представленные в речи президентов России и Франции: Д. А. Медведева, Н. Саркози, В. В. Путина и Ф. Олланда. Текстовый корпус, с которым мы работаем, включает 60 стенограмм официальных выступлений глав государств (по 15 от каждого из 4-х президентов), опубликованных на сайтах www.kremlin.ru, www.elysee.fr и www.vie-publique.fr⁶. Объем проанализированного материала – около 252 страниц текста (формата А4). Все тексты – монологи различной жанровой природы: инаугурационное обращение, поздравительная речь, приветственное слово и др.

Отбор текстов мы проводили с учетом наибольшей значимости и актуальности освещаемых в них внутри- и внешнеполитических вопросов⁷.

Помимо программной значимости, с одной стороны, и доступности текстов выступлений первых лиц государства, с другой, есть и другие причины повышенного внимания исследователей к президентскому дискурсу: «Глава государства традиционно вызывает интерес у соотечественников и многих граждан зарубежных стран. Вполне закономерно, что прези-

⁵ В когнитивной лингвистике и лингвокультурологии: *сценарии* – стандартные для исходной понятийной сферы цепочки ситуаций, включающие совокупность фреймов, где *фрейм* – «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Кубрякова и др., 1996. С. 88], а *слоты* – элементы ситуации, которые конкретизируют один из аспектов фрейма [Чудинов, 2001. С. 45–46]. Данные термины формируют родовидовые отношения.

⁶ За период президентских сроков Д. А. Медведева (7 мая 2008 г. – 7 мая 2012 г.), Н. Саркози (16 мая 2007 г. – 15 мая 2012 г.), Ф. Олланда (12 мая 2012 г. – 14 мая 2017 г.) и третьего срока В. В. Путина на посту главы РФ (7 мая 2012 г. – 7 мая 2018 г.).

⁷ Метафоры *атака* / *l'attaque* и *наступать* / *assaillir* не значатся в выборке по причине их отсутствия в рассматриваемом корпусе текстов.

дент воспринимается не только как руководитель, но и как своего рода символ страны» [Нахимова, 2007. С. 44].

Рассмотрим структурные метафоры, выраженные именами существительными и глаголами, которые соответствуют метафорической модели «Российская / французская действительность – непрекращающаяся война». Наиболее показательными ее реализациями являются фреймы: «Война и ее разновидности» и «Военные действия».

Милитарной метафорой мы считаем номинации, в которых есть признаки военного действия в форме противостояния («свой» – «чужой», т. е. враг) и с использованием оружия.

Выборка представлена следующими существительными и глаголами, найденными в анализируемых текстах, на основе которых строятся эти метафоры: *война / la guerre, кампания / la campagne, лагерь / le camp, революция / la révolution, восстание / la révolte, реконкиста / la reconquête; атаковать / attaquer, наступление / l'assaut⁸, вторгаться / envahir, вторжение / l'invasion, бороться / lutter, борьба / la lutte, сражаться / combattre, сражение / le combat, биться / se battre, битва / la bataille, завоевать / conquérir, завоевание / la conquête, защищать, отстаивать / défendre, защищаться / se défendre, защита / la défense, мобилизовать / mobiliser, мобилизация / la mobilisation, отступить / se retirer, сдавать / livrer, rendre, подорвать / miner, провести разделительные линии / tracer les lignes de démarcation, заключить мир / faire la paix.*

При анализе учитывались экстралингвистические факторы, влияющие на порождение и восприятие политических текстов, т. е. социально-исторический контекст, который выступает в роли «прагматической интерпретанты».

В статье «Каузальная сила политической метафоры» американский исследователь Р. Д. Андерсон выдвигает гипотезу о том, что «изменение в выборе коммуникантами метафор предшествует политическим переменам» и что метафора «не зависит от экстралингвистических условий» [Андерсон, 2006. С. 73]. В своей работе мы попытаемся подтвердить или опровергнуть эти идеи.

Фрейм «Война и ее разновидности»

В этот фрейм входят слоты, связанные с разными видами политических *войн* (*холодная, информационная, религиозная*); с операциями, объединенными общей стратегической целью (*предвыборная, избирательная, президентская кампания⁹*); с выражением социального недовольства с оружием в руках (*революция, восстание*), в котором противоборствующие стороны – это «оппозиционные» *лагери*.

Частотность употребления именных метафор в текстах анализируемых выступлений четырех президентов представлена на рис. 1.

Наиболее часто метафоры данного фрейма присутствуют в дискурсе Н. Саркози (28), наименее часто – в дискурсе Д. А. Медведева (4). Второй по частотности употребления указанных метафор дискурс Ф. Олланда (18), третий – В. В. Путина (8).

Рассмотрим подробнее специфику их функционирования в выступлениях глав государств¹⁰.

Д. А. Медведев: *В адрес России и её руководства идут потоки обвинений и брани. На этом построена вся избирательная кампания Лукашенко*. В данном примере глава РФ применяет

⁸ Всего по 7 текстов, посвященных внутривнутриполитической тематике, по 3 текста о глобальных внешнеполитических проблемах, по 3 текста, затрагивающих исключительно франко-российские отношения, и по 1 тексту иной жанровой природы (помимо традиционных для президентского дискурса текстовых форм).

⁹ Метафору военного происхождения, описывающую невоенные действия в политике, объясняет словарное толкование, представленное в Новейшем большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова [2008] (электронная версия): *кампания* – 3. работа, проводимая в определенный период для осуществления какой-л. важной общественно-политической или хозяйственной деятельности.

¹⁰ Последовательность примеров связана с датой вступления того или иного политика в должность президента страны.

нехарактерную для его политического поведения стратегию дискредитации вместе с сопутствующей ей тактикой дистанцирования, которую можно обозначить «паролем» (в терминологии О. С. Иссерс ¹¹) «я не такой», «работающую» на создание определенного политического имиджа. В целом, как было сказано выше, речь третьего президента РФ не изобилует метафорикой, характерной для данного фрейма. Так, он использует лексему *война* в метафорическом значении лишь единожды – в рамках устойчивого сочетания (идиомы) *холодная война*.

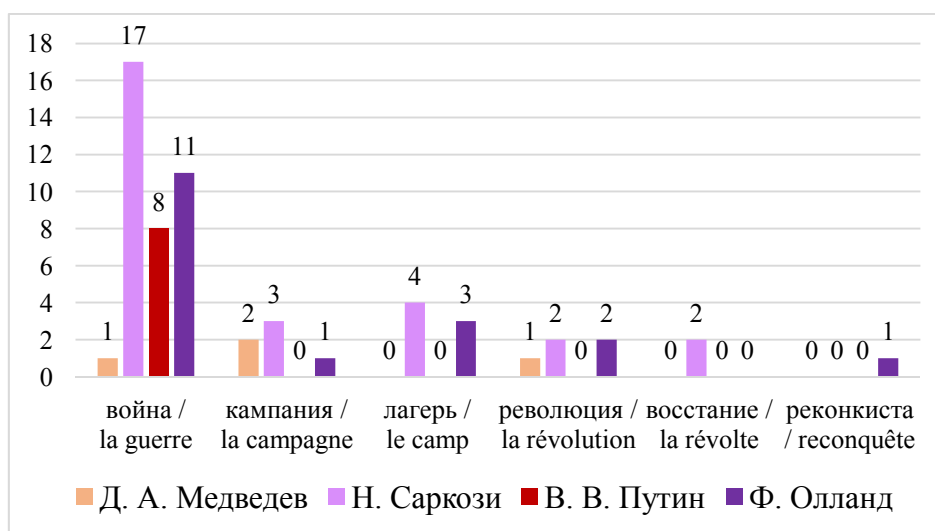

Рис. 1. Именные метафоры фрейма «Война и ее разновидности»

Fig. 1. Substantive Metaphors of the Frame “The War and Its Varieties”

В дискурсе Н. Саркози использованы как метафорические политические штампы (*холодная, религиозная война* ¹²), так и оригинальные образы, обладающие экспрессивным потенциалом, направленным на создание у адресата необходимого эмоционального настроения. Так, выступая на Генеральной ассамблее ООН и говоря о возможном катастрофическом будущем, он использует образ голодного, измученного ребенка, во взгляде которого *il n’y a pas seulement de la souffrance, il y a aussi toutes les guerres et toutes les révoltes qui demain ensanglanteront le monde* – ‘не только страдание, а также **войны и мятежи**, которые завтра **зальют кровью** мир’. На 63-й церемонии по случаю окончания Второй мировой войны он сравнивает борьбу союзных сил против фашистов с *войной Добра со Злом, с войной против самой ужасной смертоносной идеологии, которую когда-либо знал мир*.

Из перечисленных слотов фрейма «Война и ее разновидности» в корпусе анализируемых выступлений В. В. Путина представлена только *холодная война*. Это неудивительно: на третий срок его президентства пришлось одно из самых резонансных выступлений – «Валдайская речь» 2014 г. (многие сравнивают ее со знаменитой «Мюнхенской речью» 2007 г.) с обличением идеи «глобального доминирования». Именно в этом выступлении высока частотность употребления метафорического словосочетания *холодная война* (6 из 8 контекстов всей выборки). Говоря об «однополярном мире», к которому, по мнению В. В. Путина, стре-

¹¹ В частности, об этом говорится в статье «Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу» [Иссерс, 1996. С. 71–74].

¹² В речи Н. Саркози лексема *война* чаще всего вступает в метафорическое сочетание с прилагательным *религиозная* (6 из 17 контекстов всей выборки).

мятся политические лидеры США, президент России подчеркивает «иллюзорность» и «необоснованность» этой идеи, «самонадеянность» ее авторов: *Соединённые Штаты, объявившие себя победителями в «холодной войне»*. В стенограмме выступления последовательно используются кавычки, что подчеркивает переносное употребление сочетаний *холодная война* и *заключение мира* (импликатура: не было реальной войны, значит, не было и мира): «*Холодная война закончилась. Но она не завершилась заключением «мира»*. Негативную коннотацию усиливает устойчивое словосочетание *так называемый*, которое, согласно «Фразеологическому словарю русского литературного языка» А. И. Фёдорова [2008] (электронная версия)¹³, употребляется для выражения иронического или презрительного отношения к кому / чему-либо: *так называемые победители в «холодной войне»*. «Воинственность» дискурса создается и с помощью других милитарных метафор (*разделительные линии, пикировка, коалиции, враг*) и глаголов деструктивной семантики *раздробить, расколоть, ломать, сносить, устранять, развалить, разрушать* (общая сема 'удар'): *Прямота и жёсткость оценок нужны сегодня вовсе не для того, чтобы заниматься взаимной пикировкой; Сейчас мы вновь видим попытки раздробить мир, провести разделительные линии, сколотить коалиции по принципу не за, а против кого бы то ни было, вновь сформировать образ врага, как это было в годы «холодной войны»; Механизм сдержек и противовесов <...> нельзя было ломать¹⁴, во всяком случае нельзя было ничего ломать, не создавая ничего взамен.*

Что касается речи седьмого президента французской V Республики, Ф. Олланда, то чаще всего он употребляет лексему *война* в контексте борьбы с терроризмом. Из 33 контекстов с этой лексемой 22 употребления актуализируют прямое противодействие террористам, в частности с ведением реальных боевых действий против них в Сирии, 11 – метафорическое: *La France est en guerre* – 'Франция в войне'; *Nous sommes dans une guerre contre le terrorisme djihadiste qui menace le monde entier et pas seulement la France* – 'Мы на войне против джихадистского терроризма, который угрожает всему миру, а не только Франции'; *Dans cette guerre qui a commencé depuis plusieurs années<...>il faudra du temps et que la patience<...>avec laquelle nous devons combattre* – 'В этой войне, которая началась несколько лет назад, необходимо время и терпение, с которым мы должны сражаться'¹⁵.

Это объясняется тем, что Франции пришлось столкнуться с трагическими событиями: серией террористических атак в 2015 и 2016 гг.¹⁶, которые значительно повлияли на жизнь всех граждан страны и «осложнили» президентство Ф. Олланда (это стало центральной темой большинства его выступлений). По мнению французского лидера, страна встретила лицом к лицу с войной нового образца: *Cette guerre, elle est d'un nouveau genre* – 'Эта война, это война нового типа'; *cette guerre d'un autre type face à un adversaire nouveau* – 'это война нового типа с новым типом противника'. Речь идет о новом для современной цивилизации «формате» войны, которую ведут иными способами – диверсиями против мирного населения.

В качестве окказиональной милитарной метафоры Ф. Олланд использует лексему *реконкиста*¹⁷, сравнивая с ней непопулярную во французском обществе реформу Трудового законодательства 2016 г. и пытаясь таким образом убедить граждан страны в ее необходимости и целесообразности: *Voilà ce que nous avons engagé depuis 6 mois. Le cap est fixé, c'est la*

¹³ Хотя мы считаем, что *так называемый* не является фразеологизмом.

¹⁴ *Ломать* не является милитарной метафорой и в выборке не фигурирует, это строительная метафора с семантикой разрушения.

¹⁵ Указанные цитаты – метафоры.

¹⁶ Речь идет о нападении на редакцию сатирического журнала «Charlie Hebdo» 7 января 2015 г., серии терактов 13 ноября 2015 г. в Париже и атаке на прохожих в День взятия Бастилии (14 июля 2016 г.) в Ницце.

¹⁷ *Реконкиста* (исп. *Reconquista*, от *reconquistar* 'отвоевывать') – «отвоевание коренным населением Пиренейского полуострова в VIII–XV вв. территорий, захваченных арабами (точнее маврами)» [Большой Российский энциклопедический словарь, 2009] (электронная версия).

reconquête de notre avenir. – ‘Это то, что мы осуществляем в течение последних 6 месяцев. Направление выбрано, это «реконкиста» нашего будущего’.

Фрейм «Военные действия»

По наблюдению А. П. Чудинова, «метафоры этой группы способны обозначать едва ли не всякие политические действия, особенно производимые интенсивно, целеустремленно, решительно» [2001. С. 108]. В этом фрейме актуализируются как метафоры «нападения» (*атаковать, вторгаться, наступать, бороться*), так и «обороны» (*защищать, отстаивать, противостоять*), и, соответственно, с одной стороны, используются концепты *сражения, битвы, борьбы*, а с другой – *противодействия, защиты*.

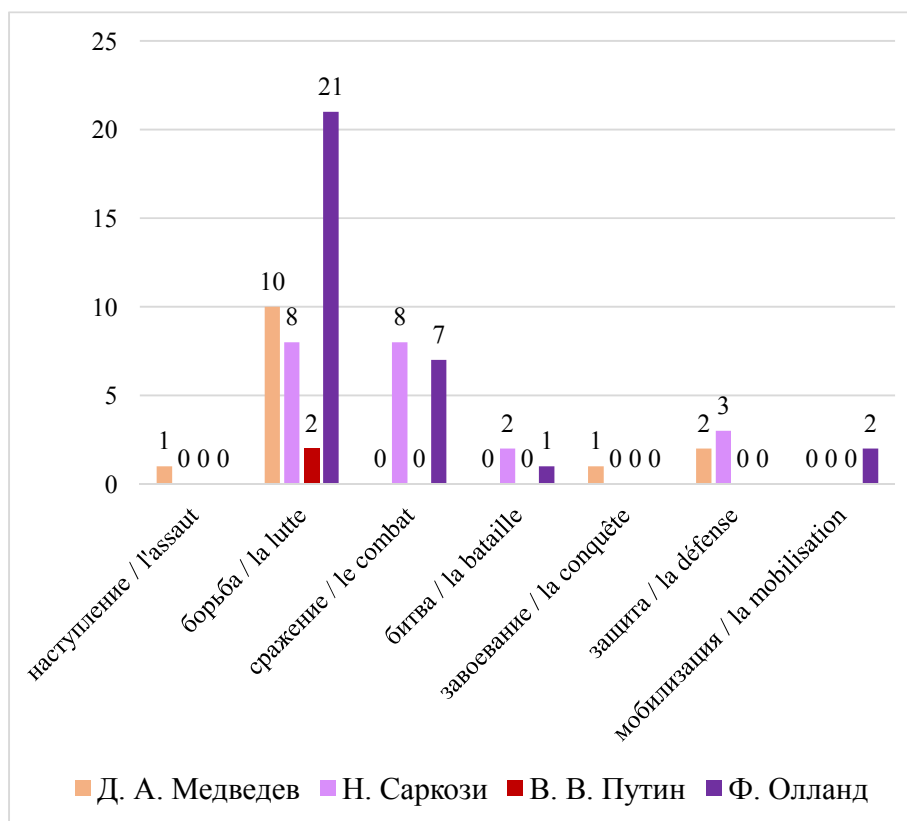

Рис. 2. Именные метафоры фрейма «Военные действия»
Fig. 2. Substantive Metaphors of the Frame “Military Actions”

Как видно из графика (рис. 2), наиболее часто в выступлениях президентов встречаются именные метафоры *борьба, сражение* и *защита*. Мы проанализировали, за и против чего «борются» и, соответственно, что «защищают» в своих речах президенты России и Франции, что позволило выявить основные «векторы» их политической деятельности, а также отстаиваемые ими государственные ценности.

В последнее время особенно актуален анализ «ключевых слов эпохи / общества» (термины используются как синонимичные) с позиций когнитивной лингвистики, учитывающей прагматику и дискурс и предоставляющей возможность комплексного изучения ключевых слов в психологическом, социологическом и культурно-историческом аспектах. «Ключевы-

ми словами эпохи» можно считать «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» [Земская, 1996. С. 92] и отличающиеся высокой частотностью на протяжении длительного времени. Таким образом, ключевые слова – это лексические маркеры, отражающие концептосферу определенного социума или отдельной языковой личности.

Одним из таких ключевых слов в дискурсе Д. А. Медведева¹⁸ является *коррупция* (в 9 из 10 употреблений всей выборки *борьба* используется в сочетании *борьба с коррупцией*). Российский президент видит в *коррупции* международную (ср.: *потому что не существует государств, где бы это явление не существовало*) и собственно российскую проблему, особенно актуальную для страны с «исторически сложившейся предрасположенностью» к взяточничеству¹⁹. В этом контексте глава государства в качестве сопутствующей нередко употребляет фитоморфную метафору²⁰, в чем бессознательно проявляется оценка положения вещей как естественной с точки зрения говорящего: *борьба с коррупцией идёт вяло; зрелость правовой системы – это важное условие <...> борьбы с коррупцией*.

В речи Н. Саркози фрейм «Военные действия» актуализируется через *борьбу* против *тирании, варварства, дискриминации, страха за будущее, коррупции, терроризма* и *борьбу за толерантность, свободу, демократию, цивилизационный путь развития* и часто обладает значительным позитивным прагматическим потенциалом.

Особое внимание президент Франции уделяет *борьбе с нелегальной иммиграцией* (2 контекста из 8, аналогичный результат только у *борьбы с глобальным потеплением*), чему посвящает часть своей известной «Гренобльской речи», которая вызвала неоднозначную реакцию во французском обществе и даже спровоцировала массовые протесты среди некоторых представителей иммигрантского сообщества²¹: *faire preuve d'une fermeté absolue dans la lutte contre l'immigration illégale*. – ‘проявить абсолютную твердость в **борьбе с незаконной иммиграцией**’; *je souhaite que nous engagions une importante réforme pour améliorer la lutte contre l'immigration irrégulière*. – ‘я хочу, чтобы мы начали важную реформу с целью усилить **борьбу с нелегальной иммиграцией**’.

Что касается реализации данного фрейма в речи Ф. Олланда, то, как и в случае со слотом «Разновидности войны», в абсолютном большинстве контекстов (10 случаев из 21) речь идет о *борьбе* с террористической угрозой и *защите* безопасности граждан Франции и республиканских ценностей: *Au terme de la lutte, la démocratie triomphera. Pour avoir conduit pendant plus de quatre ans le combat contre un fanatisme meurtrier, j'en ai aucun doute – В результате **борьбы** демократия восторжествует. После более чем четырех лет, проведенных в **битве** со смертоносным фанатизмом, в этом у меня нет сомнений’; *on doit défendre nos valeurs et combattre le terrorisme islamiste* – ‘мы должны **защитить** свои ценности и **побороть** исламистский терроризм’. Говоря о том, что Франция должна продолжить «сражение» с исламизмом, глава государства подчеркивает, что *борьба* должна вестись и со всем, что его «питает»: *с наркотрафиком, незаконной торговлей оружием и культурными ценностями*.*

¹⁸ Последовательность примеров связана с датой вступления того или иного политика в должность президента страны, исключение в данном случае – дискурс В. В. Путина, который рассматривается последним по причине наименьшей встречаемости в нем военных метафор анализируемого типа.

¹⁹ Кроме того, большое значение для уровня *коррупции* имеет, конечно, и история того или иного государства, традиции, склонности национального характера, масса других вещей. В этом смысле *коррупция* в России имеет, как это ни печально, вековые традиции (из записи в видеоблоге Д. А. Медведева (20.05.2009)). В такой «исторической» параллели нам видится тактика «вуалирования» безуспешности реализуемых правительством антикоррупционных мер.

²⁰ Явления общественно-политической жизни (сфера-мишень) ← *Царство растений* (сфера-источник метафоризации).

²¹ Речь идет о выступлении от 30.07.2010, в котором Н. Саркози пригрозил отнять французское гражданство у тех иммигрантов, которые участвуют в нападениях на полицейских, и приказал усилить работу по депортации нелегально живущих во Франции цыган.

Реже всего метафора *борьба* встречается в речи В. В. Путина (всего 2 употребления из всей выборки), что не позволяет провести анализ актуальных для его дискурса ключевых слов, представленных в соответствующих контекстах.

Как и предполагает название рассматриваемого фрейма – «Военные действия» – глагольные метафоры встречаются в нем значительно чаще именных. Так, их суммарная частотность в дискурсе Ф. Олланда – 35, Н. Саркози – 30, В. В. Путина – 20, Д. А. Медведева – 4 против 31, 21, 2 и 14 именных соответственно.

Как видно из графика (рис. 3), самой распространенной является метафора *бороться*, представленная в речи Ф. Олланда, и, как и в вышеописанных случаях, в большинстве контекстов (7 из 13) речь идет о противодействии террористическим угрозам.

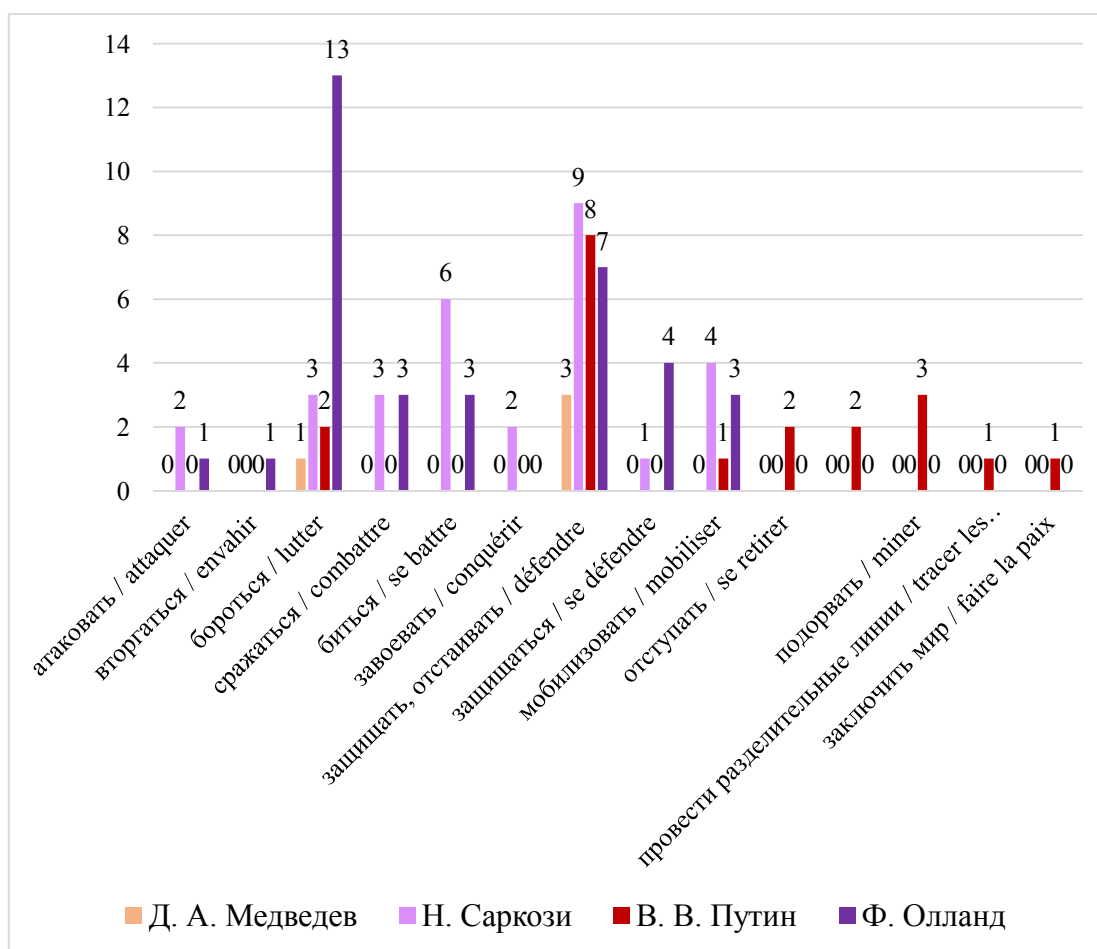

Рис. 3. Глагольные метафоры фрейма «Военные действия»

Fig. 3. Verb Metaphors of the Frame "Military Actions"

Кроме того, показательно употребление метафоры *защищать / отстаивать*, которая проявляет себя единообразно в дискурсе всех четырех президентов: если каждый политический лидер страны «борется» с конкретной проблемой (*коррупцией, терроризмом, нелегальной*

иммиграцией и т. д.), то «защищают» они универсальные ценности (прежде всего, *права и свободы граждан*), а также *национальные интересы*²².

Интересно, что в выступлениях В. В. Путина, помимо традиционных для этой группы метафор (*защищать, бороться, отстаивать* и др.), встречаются более специализированные, описывающие сам ход военных действий. Такими являются метафоры *сдавать* и *отступить*²³ в примере из обращения президента по случаю присоединения Республики Крым к РФ (18.03.2014): *Мы явно столкнёмся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступить неизвестно куда*. Отношения между руководством России и «некоторыми западными политиками» (эвфемизм), с одной стороны, а также «некоей пятой колонной»²⁴ – разного рода «национал-предателей», с другой, метафорически осмысляются как «поле боя», на котором Верховный главнокомандующий решительно настроен защищать «истинные» интересы своей страны.

Кроме того, глава РФ использует милитарную метафору *подорвать* (сема ‘взрыв’), которая не встречается в анализируемом нами корпусе текстов других президентов: *Санкции уже подрывают основы мировой торговли и правила ВТО, принципы незыблемости частной собственности, расширяют либеральную модель глобализации, основанную на рынке, свободе и конкуренции; На мой взгляд, наши американские друзья просто подрывают, режут сук, на котором сами сидят*. В последнем примере военная метафора выполняет функцию семантической конкретизации фразеологизма *рубить сук, на котором сидишь*, обозначающего ‘причинять самому себе вред’, в котором на основе семантического сходства глагол *рубить* заменен на *резать*.

Заключение

Итак, широкая распространенность милитарных метафор в политической коммуникации объясняется особенностью метафорического представления политической деятельности как сферы, аналогичной военным действиям. Точнее, политика в целом и политический дискурс в частности рассматриваются как *образная форма* сражения или войны, что вписывается в концептуальную сферу культуры любого народа в силу своей архетипичности. Однако частота реализации той или иной метафорической модели не только в разных обществах, но и в дискурсе разных языковых личностей не идентична. Так, проведенный сравнительный анализ продемонстрировал «национальную специфику» использования милитарных метафор: речь французских президентов более «воинственна» в метафорическом плане, чем речь двух российских глав государства начала XXI в. (163 метафоры против 52), что подчеркивает особую решительность и интенсивность политических действий, характерных для общественной жизни Франции.

Кроме того, проведенное исследование индивидуальных особенностей функционирования военной метафоры в дискурсах Д. А. Медведева, Н. Саркози, В. В. Путина и Ф. Олланда ставит под сомнение идею американского исследователя Р. Д. Андерсона о независимости актуализации политических метафор данного типа от экстралингвистической ситуации. Напротив, она показывает, как реализация тех или иных метафорических моделей политической жизни и их конкретных языковых репрезентаций обусловлена действием социальных

²² Чаще всего политический штамп *защищать национальные интересы* встречается в дискурсе В. В. Путина (8 случаев из 8).

²³ Согласно дефинициям, представленным в Новейшем большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова [2008], некоторые ЛСВ этих глаголов имеют «военный» семантический компонент: *сдать / сдавать* – что 8. прекратив сопротивление, не удержав, отдать неприятелю; *отступить / отступить* – 3. отойти назад под напором наступающего неприятеля.

²⁴ Милитарная метафора *пятая колонна* относится к слоту «Воинские подразделения» и носит ярко выраженный пейоративный эффект. Возникновение рассматриваемого выражения связано с наименованием агентства генерала Франко, действующей во время Гражданской войны в Испании в 1936–1939 гг.

факторов. В частности, это подтверждается тем, что наибольшее количество воспроизведенных военных метафор демонстрирует дискурс Ф. Олланда (84 из 215, т. е. около 40 % от числа всех единиц выборки), который использует их в контексте совершенных во Франции террористических актов 2015 и 2016 гг. Это позволяет сделать вывод о том, что актуализация милитарных метафор в речи политических лидеров напрямую связана с повесткой дня в стране.

Список литературы / References

- Андерсон Р. Д.** Каузальная сила политической метафоры // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. С. 72–91.
- Anderson, R. D.** Causal force of political metaphor. In: Modern political linguistics. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2006, p. 72–91. (in Russ.)
- Виноградов С. И.** Слово в парламентской речи и культуре общения // Русская речь. 1993. № 2. С. 50–55.
- Vinogradov, S. I.** The word in the parliamentary speech and culture of communication. *Russian speech*, 1993, no. 2, p. 50–55. (in Russ.)
- Воробьева К. А., Тагильцева Ю. Р.** Политическая коммуникация как особое информационно-психологическое воздействие // Политическая коммуникация: Материалы Всерос. науч. школы для молодежи. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. С. 26–27.
- Vorobieva, K. A., Tagilceva Yu. R.** Political communication as a special informational and psychological impact. In: Political communication: report of the all-Russian scientific school for young people. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2009, p. 26–27. (in Russ.)
- Гаврилова М. В.** Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. 294 с.
- Gavrilova, M. V.** Cognitive and rhetorical bases of the presidential speech (based on the speeches of V. V. Putin and B. N. Yeltsin). St. Petersburg, Philological Department of Saint Petersburg State University Publ., 2004, 294 p. (in Russ.)
- Голикова Т. А.** Речевой портрет как основная составляющая имиджа лидера в политическом дискурсе // Вестник Российского нового университета. 2018. №3. С. 9–16.
- Golikova, T. A.** Speech portrait as the main component of the leader's image in political discourse. *Vestnik of the Russian New University*, 2018, no. 3, p. 9–16. (in Russ.)
- Земская Е. А.** Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90–140.
- Zemskaya, E. A.** Active processes of modern word production. In: Russian language of the late 20th century (1985–1995). Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996, p. 90–140. (in Russ.)
- Иссерс О. С.** Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник Омского университета. 1996. № 1. С. 71–74.
- Issers, O. S.** What politicians say to please their people. *Vestnik of Omsk University*, 1996, no. 1, p. 71–74. (in Russ.)
- Лагута О. Н.** Метафорология: теоретические аспекты (в 2-х частях). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2003. 113 с.
- Laguta, O. N.** Metaphorology: Theoretical Aspects (in 2 parts). Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2003, 113 p. (in Russ.)
- Лакофф Дж., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.

- Lakoff, G., Johnson, M.** *Metaphors We Live by*. In: *Theory of metaphor*. Moscow, Progress Publ., 1990, p. 387–415. (in Russ.)
- Лассан Э.** О формах существования концептуальных метафор как индикаторах силы и бессилия общества // *Политическая лингвистика*. 2010. № 1 (31). С. 24–33.
- Lassan, E.** About the forms of existence of conceptual metaphors as indicators of strength and powerlessness of society. *Political Linguistics*, 2010, no. 1 (31), p. 24–33. (in Russ.)
- Левинская М. К.** Стратегия самодискредитации в политическом дискурсе // *Политическая коммуникация: Материалы Всерос. науч. школы для молодежи*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. С. 64–67.
- Levinskaya, M. K.** Strategy of auto-discreditation in the political discourse. In: *Political communication: Report of the All-Russian scientific school for young people*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2009, p. 64–67. (in Russ.)
- Нахимова Е. А.** Прецедентные имена в президентском дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2007. № 2 (22). С. 44–48.
- Nakhimova, E. A.** Case names in the presidential discourse. In: *Political linguistics*, 2007, no. 2 (22), p. 44–48. (in Russ.)
- Ушакова Е. В.** Речь политика как фактор, влияющий на восприятие его образа (на примере В. В. Жириновского) // *Психология восприятия власти*. М.: Социально-политическая мысль, 2002. С. 234–241.
- Ushakova, E. V.** Politician's speech as a factor affecting the perception of his image (on the example of V. V. Zhirinovsky). In: *Psychology of the perception of power*. Moscow, Social and political thought Publ., 2002, p. 234–241. (in Russ.)
- Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
- Chudinov, A. P.** Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000). Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2001, 238 p. (in Russ.)
- Domènech, M. C.** Les métaphores dans le discours politique: tendances de traduction à l'espagnol. In: *Synergies Espagne*. Valencia, 2010, p. 107–117.
- Gauthier, G.** La métaphore guerrière dans la communication politique. In: *Recherches en Communication*. Laval, Université Laval, 1994, no. 1, p. 132–147.
- Gingras, A.-M.** Les métaphores dans le langage politique. *Politique et Société*, 1996, no. 30, p. 159–171.
- Lakoff, G.** Metaphor and war: the metaphor system used to justify War in the Galf. In: Yallet, D. (ed.). *Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf*. Honolulu, 1991, p. 25–32.
- Lakoff, G., Johnson, M.** *Metaphors We Live by*. Chicago, University of Chicago Press, 1980, 256 p.

Список словарей / List of Dictionaries

- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.** Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
- Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N.** Dictionary of Russian political metaphors. Moscow, Pomovskij and partners Publ., 1994, 330 p. (in Russ.)
- Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл., 2009. 1887 с.
- Great Russian Encyclopedic Dictionary. Moscow, Great Russian encyclopedia Publ., 2009, 1887 p. (in Russ.)
- Кубрякова Е. С. и др.** Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. 245 с.

- Kubryakova, E. S. et al.** A short dictionary of cognitive terms. Moscow, Philological Department of Moscow State University Publ., 1996, 245 p. (in Russ.)
- Матвеева Т. В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
- Matveeva, T. V.** Full dictionary of linguistic terms. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010, 562 p. (in Russ.)
- Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норит, М.: Рипол классик, 2008. 1534 с.
- The Latest Large Dictionary of the Russian Language. Ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norit Publ., Moscow, Ripol klassik Publ., 2008, 1534 p. (in Russ.)
- Федоров А. И.** Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, 2008. 828 с.
- Fedorov, A. I.** Phraseological dictionary of the Russian literary language. Moscow, Astrel Publ., 2008, 828 p. (in Russ.)
- Dictionnaire encyclopédique de français: l'essentiel de la langue française / Larousse. Paris, Franklin electronic publishers France, 2008.

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
18.11.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Крышталева Вера Евгеньевна, соискатель кафедры общего и русского языкознания ГИ НГУ (ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия), аспирант-лингвист в Университете Париж Нантерр (авеню де ля Републик, 200, Нантерр, 92000, Франция). Диссертация пишется под двойным, российско-французским, научным руководством. Научный консультант с российской стороны: канд. филол. наук, доц. Оксана Михайловна Исаченко (ГИ НГУ). Научный руководитель с французской стороны: д-р филол. наук, проф. Жан-Франсуа Жандио (Университет Париж Нантерр)

Vera E. Kryshtaleva, Post-graduate student under joint supervision: chair of General and Russian linguistics, Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Laboratoire MoDyCo (Modèles, Dynamiques, Corpus), Université Paris Nanterre (200 Avenue de la République, Nanterre, 92000, France). Scientific supervisors: Cand. of Sci. (Philology), Associate Professor Oksana M. Isachenko (Novosibirsk State University) and Doctor of linguistics, Full Professor Jean-François Jeandillou (Université Paris Nanterre)

kryshtaleva@hotmail.com